

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 251-260. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.251
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Sub Specie Aeternitatis? The Transformation of the Religious Historical Memory of the Peasantry of the Central Black Earth Region in the Post-Reform Period

Evgenii V. Belyaev^{a,*}, Andrei A. Linchenko^{b,c}

^a Lipetsk Environmental and Cultural Institute, Russian Federation

^b Financial University, Lipetsk branch, Russian Federation

^c Lipetsk state technical university, Russian Federation

Abstract

The article deals with the processes of the transformations of the peasants' daily religious memory by the example of 14 provinces of the Russian Empire. On the basis of the constructivist methodology of studying historical memory, the widespread approach that links the historical memory of the peasantry exclusively with historical knowledge about tsars, commanders, historical figures is overcome. Transformations of the everyday religious memory of the post-reform peasantry are described in the context of peasant perceptions of the church as a social institution, as well as the attitude of rural residents to rituals, canons, church holidays, priests. The article reflects the contradictory processes that took place in the Russian village during the modernization of the 1860s, when the fundamentals of the economic, household and social order that existed for centuries were seriously transformed. In this regard, the appeal to religious practices as the most resistant to changes in the consciousness of rural residents, allows us to highlight the existing contradictions in the ratio of the traditional and the changing. Known, fixed in the literature stamps on the general prevalence and depth of religious feeling, as well as the presentation of the religious indifference of the peasants, are not supported by the sources. The closest practices to the rural residents are the ones of prayer, observance of fasting, icon-worship. At the same time, the behaviour of peasants, especially the youth, in the church, an attitude towards the clergy, and non-observance of a number of previously unshakable religious traditions, speaks, at least, about the serious changes in the religious consciousness of the peasants. Often, religious practices were reduced to the commission of traditional actions that rather superficially reflected religion and the Orthodox faith.

Keywords: peasantry, religious memory, «Great Reforms», everyday historical memory.

1. Введение

Современная Россия демонстрирует попытки возрождения религиозных традиций и прежде всего традиций религиозной исторической памяти. Вместе с тем всякие попытки «включения» религиозной исторической памяти в современный модернизационный дискурс предполагают анализ исторических аналогий, которые могли бы способствовать уточнению и детализации выше обозначенной проблемы. В этой связи трансформации коллективной исторической памяти в Российской империи во второй половине XIX века являются наиболее яркой и подходящей исторической аналогией, поскольку также были связаны с модернизацией всех сторон общественной жизни.

Религиозная жизнь общества всегда тесно связана именно с религиозной исторической памятью. Это может быть прослежено во всех без исключения сферах религиозной жизни общества и человека: практиках молитвы, посещения богослужений, практиках поминовений, особого отношения к священному преданию и т.д. Особую роль религиозная историческая память, как

* Corresponding author

E-mail addresses: gacki@yandex.ru (E.V. Belyaev), linchenko1@mail.ru (A.A. Linchenko)

известно, играла в среде российского крестьянства. В этой связи изучение проблем трансформации религиозной исторической памяти в пореформенный период в первую очередь надо начинать именно с изучения повседневных практик религиозной исторической памяти крестьян, чему и будет посвящена данная статья.

2. Материалы и методы

Основным источником, отражающим трансформации религиозных практик крестьянства XIX века, являются данные этнографических описаний, проведенных силами корреспондентов Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. В условиях фактического отсутствия мемуарной литературы, этнографические материалы исследований крестьян представляют, по сути, единственный массовый исторический источник, позволяющий с большой степенью достоверности изучить основы религиозных представлений российского народа. Еще более ценным его делает весьма широкий географический охват, что в совокупности с высокой степенью гомогенности полученных сведений позволяет делать объективные выводы о воззрениях сельских жителей.

Всего на данный момент вышло в свет 7 томов, содержащих сведения о разных сторонах быта крестьян 13 губерний. Кроме того, нами использовались ранее опубликованные материалы по Владимирской губернии (Быт великорусских крестьян, 1998). Основными вопросами, доступными для обработки и анализа, стали следующие: вопрос о церкви и религиозном почитании (частота посещения церкви, зависимость хождения в церковь от расстояния, погоды, удобства, проведения полевых работ, отношение крестьян к церкви и церковным обрядам); вопросы, посвященные знанию и употреблению молитв (молитвы, иконы, почитание святых); вопросы, посвященные отношению к священникам и причту; вопросы, посвященные почитанию праздничных дней. Всего нами было отобрано и проанализировано 147 ответов из 14 губерний Российской империи. Ответы на вопросы распределены следующим образом (таблица 1)

Таблица 1. Распределение ответов на вопросы по губерниям

Церковь	2	0	3	3	0	2	6	4	6	6	2	2	2	2	10	50
Молитва дома	3	3	8	3	1	1	4	3	10	7	3	2	1	2	5	56
Священники и причт	1	1	5	4	0	2	4	3	5	5	2	2	1	1	5	41
	Костромская губерния	Ярославская губерния Пошехонский уезд	Ярославская губерния (Даниловский, Любимский, Романово-Борисоглебский, Ростовский,	Калужская губерния	Нижегородская губерния	Вологодская губерния (Вельский и Вологодский уезды)	Вологодская губерния (Тотемский, Усть-Сольский, Устюжский, Яренский уезды)	Вологодская губерния (Никольский и Сольвычегодский уезды)	Вологодская губерния (Грязовецкий и Кадниковский уезды)	Курская, Московская, Олонская, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии	Новгородская губерния (Белозерский, Боровичский, Деминский, Кирилловский,	Новгородская губерния (Череповецкий уезд)	Новгородская губерния (Тихвинский уезд)	Новгородская губерния (Череповецкий уезд)	Владимирская губерния	ИТОГО:

Использование столь обширного материала позволит достаточно объективно рассмотреть процессы трансформаций религиозных практик пореформенного крестьянства. Часто повторяющиеся ответы позволят говорить о многих процессах как о закономерных, имевших повсеместное распространение на территории империи.

Нам уже приходилось писать о том, что при изучении проблем исторической памяти в рамках крестьянской повседневности традиционные методы отечественного крестьяноведения оказываются дополненными теми теоретическими результатами, которые были получены в сравнительно новой области исследований, получившей название *memory studies* (Linchenko, Belyaev, 2016: 726). Как известно, *memory studies* представляют собой междисциплинарную область исследований коллективной и индивидуальной памяти, охватывающей теоретические исследования в рамках философии истории, новой интеллектуальной истории, устной истории (*oral history*), а также методологию школы Анналов. Общей методологией *memory studies* является конструктивистский подход, рассматривающий прошлое не как статичный объект, но как объект, зависящий от оценок, моделей поведения и деятельности в настоящем (Olick, Robbins, 1998: 106). Для сторонников

конструктивистского подхода коллективная память есть социальная деятельность, процесс, а не статичный объект, она контекстуальна и является частью процесса самоопределения общества (Olick, Robbins, 1998: 108). Коллективная память с этой точки зрения не является неким гомогенным пространством, а представляет собой совокупность коммеморативных практик, являющихся социальными практиками, направленными на воспроизводство различных образов прошлого, значимых в социально-политическом, экономическом и культурном контекстах настоящего (Аникин, 2014: 19). По мнению Л.П. Репиной, историческая память является одним из измерений индивидуальной и коллективной (социальной) памяти, направленной на репрезентацию исторического прошлого: «историческая память – это совокупность донанучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом» (Репина 2005: 133). В современных мемориальных исследованиях также подчеркивается, что историческая память общества, представленная на повседневном уровне, является избирательной (Репина, 2005: 134), может сопротивляться официальным концепциям понимания истории и прошлого (Makhotina, 2017: 32), а также представляет собой множество взаимосвязанных культур воспоминаний (Hasberg, 2004: 200).

3. Обсуждение

О влиянии православия на сознание российских крестьян написано довольно много апологетической литературы, которая отражает описания различных религиозных практик, их безусловное соблюдение. Так, в обширном труде М.М. Громыко и А.В. Буганова весьма подробно рассматриваются различные религиозные практики: молебны, исповеди, почитания святых, паломничества, подвижничество, отношение к церкви и священникам и другие вопросы, касающиеся религиозной жизни крестьян (Громыко, Буганов, 2000). Православная традиция представляется как безальтернативная, составляющая основу жизни любого крестьянина. Вместе с тем представляется, что повседневная религиозная реальность сельских жителей была несколько более широкой и не всегда могла укладываться в сложившиеся православные каноны. Религиозное сознание, как известно, неотрывно от иных, бытовых практик поведения крестьян. Зачастую на него оказывают влияние экономические, политические, социальные, бытовые факторы.

Однако, нельзя согласиться с исследователями, которые увидели во второй половине XIX века нарастание так называемого «религиозного индифферентизма», выразившегося в том, что «во второй половине XIX в. процесс распространения индифферентного отношения к православию неграмотного сельского населения стал нарастать. Вот два примера конца 1870-х гг. Из общего числа 580 прихожан села Дмитровского Звенигородского уезда Московской губернии на годовой исповеди побывали лишь 214 человек. В селе Архангельском Верейского уезда Московской губернии 580 прихожан не явились на исповедь» (Андреева, 2008: 115). Полагаем, что говорить о процессе нарастания индифферентного отношения крестьян к таким важнейшим социальным институтам как церковь и религия на основании двух статистических выкладок, является, по крайней мере, существенным упрощением действительности.

Важнейшие условия существования человека в традиционном обществе предполагают наличие неких существенных, неизменных основ, незыблемых и передающихся из поколения в поколение. К числу таковых, безусловно, относится религиозное сознание и религиозные практики, детерминирующие не только внешние стороны отправления культа и соблюдения ритуала, но и состояние нравственности традиционного общества, его моральные устои.

Религиозное сознание, являясь частью сложной структуры человеческого быта, повседневности, не представляет собой единую, раз и навсегда установленную догму. Ее соблюдение или несоблюдение определяется множественными факторами, к числу которых следует отнести, помимо прочего, нравственное состояние самого общества, индивидуальные психологические особенности людей, уровень развития образования, степень проникновения в традиционное общество новых элементов культуры. В этой связи известный исследователь коллективной памяти М. Хальбвакс подчеркивал, что, «хотя религиозная память и старается обособляться от мирского общества, она подчиняется тем же законам, что и любая коллективная память: она не хранит, а реконструирует прошлое с помощью оставшихся от него материальных следов, обрядов, текстов, традиций, а также социально-психологических данных недавнего происхождения – то есть с помощью настоящего» (Хальбвакс, 2007: 264).

Все эти факторы в равной мере важны, и при принятии тех или иных решений в своей повседневной жизни человек соотносится с ними и далеко не всегда принятое решение соответствует установленным в обществе жестко регламентированным религиозным нормам. К примеру, табуированное в условиях воздействия православия абортирование, не приводило к отказу от практик вытравливания плода. Более того, в каждой местности существовали специализирующиеся на этом люди, которые знали сотни способов вытравливания.

На практике выходило, что внешнее соблюдение ритуала, зачастую внутренне не осознавалось, не приводило к тому, что религиозная (правовая, моральная) норма становилась императивом поведения. Это означало, что даже в условиях традиционного общества, и уж тем более в период модернизации, человек оказывался как бы «меж двух огней»: с одной стороны, жесткие требования

нормы, с другой – необходимость, текущие проблемы, психологические особенности индивида, давление окружения, иные факторы, воздействующие на него «здесь и сейчас».

Вместе с тем и сами нормы, как мы отметили, жестко регламентированные, находились в определенной зависимости от общества, подвергались определенной переработке, либо непринятию. Так, существование наличия в Российской империи XIX столетия довольно четко установленной, кодифицированной правовой системы, не отвергало существовавших в российской деревне и зачастую противоречащих официальным норм «обычного права», которые были более действенны, нежели корпоративное законодательство.

4. Результаты

Сама религиозная историческая память крестьян представляла собой не столько систему знаний о событиях религиозной жизни прошлого, сколько являлась сложной комбинацией различных практик передачи религиозного исторического опыта и форм отношения к нему. В данной статье нами были проанализированы только три составляющих: отношение к Церкви и священнослужителям, молитвы дома и притч. Трансформация отношения к опыту прошлого в эпоху Великих реформ оказывается заметной именно в сфере отношения к религиозному историческому опыту, отношению к нему как к необходимому элементу настоящего, а не как «устаревающее» и все более «бесполезное» прошлое.

Специфика религиозных норм в Российской империи заключалась в безусловном воздействии православия на сознание крестьян, однако насколько крестьянские религиозные воззрения соответствовали каноническому православию, – большой вопрос. Источники, которыми пользовались крестьяне при отправлении религиозных культов, были весьма разнообразны, включая влияние притча, религиозную литературу, а также передаваемые из поколения в поколение предания, традиции. Все вышеуказанные источники, оказывая определенное воздействие на религиозное мировоззрение крестьян, могли как приближать сельских жителей к канону, так и отдалять от него.

Религиозные нормы, как и другие, существовали в очень определенной социальной реальности, которая также детерминировала поведение крестьян. Здесь можно упомянуть о сложившейся, выстроенной системе нечистой силы, включающей различные анимистические элементы (бесы, черти, домовые, банники, овинники, кикиморы, лешие, полевые, водяные, русалки, оборотни и др.), а также и о колдунах, ведунах, знахарях.

Все эти элементы оказывали такое же влияние на крестьян, как мнение сельского священника или книга религиозного содержания. В результате мы сталкиваемся с картиной, включающей совершенно особый, по-своему уникальный религиозный мир русского крестьянства, мир сложный и многомерный. В.Б. Безгин, говоря об этой особенности крестьянского сознания, отмечал: «На протяжении всей истории процесс взаимодействия официальной церкви и крестьянства был основан на компромиссе. Это взаимное приспособление произошло путем принятия крестьянским миром канонов православия и приспособлением церковью народных обычаев христианской догматике» (Безгин, 2004: 152).

Вопрос о частоте посещения церкви или храма находится в общей плоскости сохранения религиозной культуры. В целом, можно говорить о нескольких общих закономерностях, касающихся данного вопроса. Практически все корреспонденты отмечают исправное посещение церкви сельскими жителями, в особенности женского пола. При этом отношение к храму у крестьян сохраняется благоговейное, они ходят туда преимущественно в праздничной, опрятной одежде. Данная картина действительно была характерным явлением для большинства приходов, однако значительная часть корреспондентов подмечала факты, свидетельствующие об иных сторонах крестьянской религиозности. Приведем в пример интересные сведения, предоставленные корреспондентом Череповецкого уезда Новгородской губернии. Он разделил посещающих церковь на 3 группы и представил данные в таблице (Русские крестьяне. Т. 7, 2009: 205).

Таблица 2.

Число жителей в 31 доме, способных ходить в церковь				Ходят часто				Ходят только в большие праздники				Ходят очень редко или совсем не ходят			
М	Ж	Дети	Итого	М	Ж	Дети	Итого	М	Ж	Дети	Итого	М	Ж	Дети	Итого
44	46	48	138	26	3	30	59	8	16	5	39	10	27	3	40

Как видно, сообщение корреспондента не вполне отражает общую динамику: здесь мужчины ходят в церковь чаще женщин, что объясняется их занятостью не только полевыми работами, но и домашними заботами. Корреспондентом отмечалась общая небрежность в посещении церкви: «Когда не приду в церкву, все «Христос воскрес» поют, либо «Христос рождается» (курсив – авт.) (Русские крестьяне. Т. 7, 2009: 205).

Противоречивое отношение крестьян к церкви, церковным ритуалам усиливается следующими, достаточно общими для разных территорий, замечаниями. С одной стороны, посещая церковь, сельские жители стараются одеваться в самую новую, праздничную одежду, тем самым обозначая

важность, значимость данного события в череде своей повседневной жизни. С другой стороны, корреспондентами подмечаются различные формы девиантного поведения, прежде всего, в среде молодых крестьян. Приведем примеры характеристик, даваемых корреспондентами разных уездов: «Крестьяне, – пишет корреспондент Грязовецкого уезда Вологодской губернии, – относятся между собой в церкви учтиво. Держат себя в церкви возможно скромно, если не принимать в расчет некоторые вольности, позволяемые крестьянами во время богослужения, как например: молодые девушки и парни без всякой застенчивости переглядываются и перешептываются между собой, мужики (особенно старики) нюхают табак /.../ Иногда приходится вывести из церкви крестьянина, пришедшего в нетрезвом состоянии (Русские крестьяне. Т. 5. Ч. 2, 2007: 77). В Ростовском уезде Ярославской губернии корреспондент отмечал, что «держат крестьяне себя в церкви довольно свободно: шепчутся, оглядываются, переходят с места на место, мужчины и парни нередко выходят покурить (Русские крестьяне. Т. 2. Ч. 2., 2006: 312). В Солигачском уезде Костромской губернии корреспондент отметил интересное наблюдение: «Также во время службы каждый раз можно видеть около кельи, т.е. церковной сторожки, толпу парней и мужиков, которые не идут домой только потому, что стыдно прежде других возвращаться домой (Русские крестьяне. Т. 1. 2004: 322).

Приведенные примеры отнюдь не являются единичным проявлением девиантного поведения крестьян в церкви, напротив, к данному списку можно добавить громкие разговоры в храме, заигрывания парней с девушками, ругань вздорных крестьянок и многое другое. Считаем, что частота подобных сообщений говорит об ослаблении социального контроля. Религиозные практики, сохраняя внешний ритуализм, меняются содержательно, становятся все более формальными, нежели обусловленными внутренними духовными потребностями. Поведение, ранее считавшееся девиантным, находит все большее распространение. Так, труд в православные праздники в дореформенное время был бы невозможен и с точки зрения религиозных норм, и с точки зрения обычной крестьянской трудовой этики. В 1860–1880-е гг. этот взгляд изменился. Трудиться в праздники стало если не нормой, то в порядке вещей. «Работать в праздничные дни, – отмечал этнограф Кирсановского уезда Тамбовской губернии В. Бондаренко, – хотя и считается греховным делом, но в последнее время правило это все чаще нарушается» (Бондаренко, 1890: 74). Корреспондентом отмечалось: «Мне приходилось видеть, как крестьянин боронил землю в день Рождества Богородицы (8 сент.). Вообще, работа в праздники – явление, пожалуй, обычное» (Русские крестьяне. Т.1, 2004: 322).

Устойчивые, с точки зрения религиозной этики, табу после реформ 1860-х гг. стали нарушаться вследствие уже обозначенного ослабления социального контроля со стороны общины, а также ввиду экономической целесообразности, требовавшей увеличения количества рабочих дней за счет уменьшения числа праздничных. Оценка такого труженика продолжала оставаться однозначной (он совершил грех), но отношение к нему общественного мнения значительно смягчилось.

Следующий вопрос, обозначенный нами условно «Молитва дома», на самом деле раскрывается не только через практики почитания тех или иных молитв, но также веры в чудотворную силу икон, а также соблюдение поста. Ответы на эти вопросы требуют не только понимания совершения или несовершения определенных культовых действий, но и выяснения, насколько эти действия крестьянам понятны. Зачастую отправление того или иного религиозного культа, имеющее важное символическое значение, не осознается прихожанами, что может свидетельствовать об отсутствии понимания религиозного значения тех или иных культовых действий.

Следует отметить, что повсеместно распространены были практики периодического произнесения молитв: «Крестьяне дома молятся утром, до и после обеда, полдничанья (второй обед) и ужина, читают молитвы» (Русские крестьяне. Т. 1, 2004: 285). Корреспонденты перечисляют наиболее распространенные в той или иной местности («Достоит есть», «Богородице дево радуйся», «Господи Иисусе», «Отче наш» и др.), а также основные ритуальные действия (земные и небесные поклоны и др.).

В целом, можно отметить, что молитва как способ обращения к Богу, сохраняет свое важное символическое значение на протяжении второй половины XIX века. Мы не встретили ни одного свидетельства, утверждавшего падение значения молитвы в религиозных практиках крестьянства. Мы имеем дело с возможностью и необходимостью личного, без посредников взаимодействия человека с Богом, что, вероятно, и обуславливало ее важность для сельского жителя. С этой точки зрения следует рассматривать и особое почитание крестьян к иконам, а также к религиозным книгам.

Вместе с тем и в вопросах почитания икон имели место случаи отклонений от канонов. Приведем пример: в Даниловском уезде Ярославской губернии «... во многих местах /.../ существует обычай со стороны крестьян украшать наиболее почитаемые иконы лентами и крестиками /.../ На некоторых иконах нам удавалось видеть привешенными грубые изображения руки или ноги, сделанные из серебра или другого металла /.../ Хотя и высочайшими указами, и указами Святейшего Синода положительно воспрещается в православных церквях иметь скульптурные изображения Спасителя, Божьей Матери и святых, тем не менее эти изображения встречаются нередко в описываемой мной местности. Так, например, в одной известной мне церкви существует деревянная плащаница со скульптурными изображениями на ней Иисуса Христа в половину человеческого роста, в другой церкви имеется скульптурное изображение главы Иоанна Крестителя, сделанное из

дерева и грубо раскрашенное» ([Русские крестьяне. Т. 2. Ч. 2, 2006: 79](#)). Как мы можем увидеть, в приведенном примере встречаются не очень распространенные, но имеющие место практики нарушения канонических установлений Святейшего Синода.

Остановимся на практиках соблюдения поста как ритуального воздержания от принятия пищи сельскими жителями. Жители могут соблюдать все посты и держать себя в строгости, могут выделять наиболее важные, а могут вообще не соблюдать. Приведем несколько свидетельств: «Крестьянин, – отмечает корреспондент Солигачского уезда Костромской губернии, – никогда не позволит себе нарушить пост, т.е. съесть в пост хотя яйцо, и, по мнению крестьян, нарушение постов есть великий грех, они про нарушающих пост говорят как про богоотступников /.../ Почему установлены посты – почти все крестьяне не знают» ([Русские крестьяне. Т. 1, 2004: 285](#)). Другой корреспондент из Мещовского уезда Калужской губернии говорит о соблюдении поста стариками: «Молодежь ест скоромное, но тайно. Если попадется кто из оскоромившихся /.../ то ему говорят: «Ах, ты, нехрист, бусурман поганый!», «еврей» или «немецкая харя»» ([Русские крестьяне. Т. 3, 2005: 514](#)). Приведем также сообщение корреспондента из Вологодского уезда Вологодской губернии: «Посты соблюдаются нестрого: в пост едят молоко, яйца, все, что найдется под рукой. О прежней строгости в исполнении уставов церкви нет и в помину» ([Русские крестьяне. Т. 5. Ч. 1, 2007: 406](#)). Представленные эпизоды весьма ярко характеризуют процессы, происходящие вокруг важнейшего ограничительного механизма, соблюдения поста, несмотря на попытки его сохранить, повсеместно наблюдаются процессы отказа от поста как обязательного. Кроме того, соблюдение поста не означало понимания его символического значения: нам встретилось как минимум три свидетельства, которые утверждали, что крестьяне, соблюдая пост, вовсе не понимали, зачем они это делают.

Таким образом, можно отметить, что наиболее устойчивыми формами, подвергшимися наименьшим трансформациям, в пореформенной деревне являлись практики иконопочитания, произношения молитв. Вместе с тем в отношении некоторых, в частности, соблюдения поста, наблюдались очевидные отходы от устоявшихся норм. Если в случае с соблюдением религиозных праздников важнейшую роль в нарушениях играла новая экономическая реальность, то здесь очевидно значение отходничества как фактора, существенно ослаблявшего вертикальные связи и социальный контроль в деревне. Возвращавшиеся в деревню крестьяне повсеместно не соблюдали устоявшиеся каноны и осуществляли влияние на своих односельчан.

Наконец, остановимся на вопросе об отношении сельских жителей к священникам и причту как социальному институту. Безусловно, характер этого отношения во многом зависел от конкретной территории, от лица самих священников, от степени их влияния на прихожан. Поэтому очевидны и диаметрально противоположные оценки: от благоговейно-возвышенных до крайне негативных. Положительное отношение к церкви у сельских жителей формируется на основании следующих характеристик священников: «ласковое и доброе отношение с прихожанами» ([Быт великорусских крестьян, 1998: 152](#)), «в священнике признают его сан и почитают его, а личность в нем пользуется авторитетом» ([Русские крестьяне. Т. 7. Ч. 2, 2009: 198](#)), «Духовенство /.../ в большинстве занимает высокое положение в среде крестьян; оно с ним не панибратствует /.../ Духовенство нередко дает бедным крестьянам займы хлеб зерном...» ([Русские крестьяне. Т. 5. Ч. 4, 2008: 107](#)). Образ, рисуемый корреспондентами в сообщениях, как видно, весьма ярко отражает положительные черты священника: справедливость, авторитет, уважительное, без панибратства отношение к прихожанам.

К сожалению, перечисленные черты во многом нивелируются значительным числом сообщений, посвященных часто крайне негативному отношению крестьян к своим священникам: «Отношение к причту станет ясным, – отмечал корреспондент, – когда узнаете, что наш народ называет попов «обирусами» и «ненасытными утробами». Для того чтобы крестьянину совершить какую-либо потребу, он должен явиться к священнику на так называемую «покладку», то есть условиться или сторговаться с ним /.../ Оскорбление священника вызывает у крестьян лишь улыбку, а если сильное оскорбление, например, словом, то осуждение. Встреча с духовными – не к добру, пути не будет» ([Русские крестьяне. Т. 1, 2004: 238, 239](#)). Почти повсеместно крестьяне пеняют священникам на высокую стоимость треб, также повсеместно встреча со священником – является знаком, символизирующим скорую беду.

Приведем еще один ряд претензий в отношении духовных лиц, высказанных в Даниловском уезде Ярославской губернии. Корреспондент отмечает: «Пьянство, леность, разврат и проистекающая отсюда бедность есть явление обычное во всех деревнях, лежащих вблизи монастырей /.../ Сам игумен приглашает к себе в келью для мытья полов «расхожих» женщин из соседних деревень и с ними распутствует. Публичные женщины из г. Пошехонье иногда гостят у монахов по целой неделе, и полиция, отыскивая их, находит только в монастыре /.../ Не дальше как в прошлом году компания пьяных монахов из означенного монастыря, заполучив к себе публичную девушку, перепились с ней и хотели обрезать у нее уши: одно ухо они уже начали резать, причем окровавили девушку. По счастью, девушка вырвалась и убежала. /.../ В Исаковой пустыни те же самые безобразия /.../ Местный игумен Г. жил в незаконной связи со своей прачкой в течение более чем двенадцати лет. В августе месяце текущего года игумен вместе с регентом хора и кое-кем из братии в пьяном виде каким-то образом убили прачку. Чтобы скрыть следы своего преступления, они отрезали у убитой руки и ноги и стали жечь в печи, но те не горели. Тогда они отрезали голову от туловища и бросили их

в лесу, предварительно обезобразив до неузнаваемости голову. У найденной головы оказались выколотыми глаза, обрезан нос, щеки и уши, вырван язык и обрезана вся кожа с волосами /.../ Произведенное следствие открыло возмутительнейшие картины монастырской жизни. Но эти картины были новостью только для следственной власти, для крестьян же, соседних с монастырем, они не составляли тайны» (*Русские крестьяне. Т. 2. Ч. 2, 2006: 80-81*). Данные эпизоды, являющиеся, безусловно, скорее исключением из правил, вместе с тем формировали общественное мнение и отношение к священнику и к церкви как социальному институту. Мы убеждены, что в большинстве своем священники, напротив, представляли собой пример для подражания в части моделей поведения, однако имеющиеся факты распространявшегося негативизма могли быть связаны с неподобающим поведением тех, кто должен быть нравственным ориентиром для сельских жителей.

5. Заключение

Таким образом, современные исследования коллективной исторической памяти все чаще обращают внимание на изучение повседневных аспектов сохранения и передачи памяти. Одной из важнейших сфер повседневной исторической памяти русского крестьянства второй половины XIX века оказывается религиозная историческая память, трансформации которой в эпоху Великих реформ не нашла достаточного научного изучения. На основе анализа Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева в статье преодолевается узкий подход, указывающий как на безальтернативность традиций религиозной исторической памяти русского крестьянства, так и на нарастание религиозного индифферентизма в пореформенной русской деревне. Вместе с тем сама религиозная историческая память крестьян представляла собой не столько систему знаний о событиях религиозной жизни прошлого, сколько являлась сложной комбинацией различных практик передачи религиозного исторического опыта и форм отношения к нему. В данной статье нами были проанализированы только три составляющие: отношение к Церкви и священнослужителям, молитвы дома и причта. Трансформация отношения к опыту прошлого в эпоху Великих реформ оказывается заметной именно в сфере отношения к религиозному историческому опыту. Религиозные практики, сохраняя внешний ритуализм, меняются содержательно, становятся все более формальными, нежели обусловленными внутренними духовными потребностями. Поведение, ранее считавшееся девиантным, находит все большее распространение. Устойчивые, с точки зрения религиозной этики, табу после реформ 1860-х гг. стали нарушаться вследствие ослабления социального контроля со стороны общины, а также ввиду экономической целесообразности, требовавшей увеличения количества рабочих дней за счет уменьшения числа праздничных. Наиболее устойчивыми формами, подвергшимися наименьшим трансформациям, в пореформенной деревне являлись практики иконопочитания, произношения молитв. Вместе с тем в отношении некоторых форм религиозного исторического опыта, в частности, соблюдения поста, наблюдались очевидные отходы от устоявшихся норм. Если в случае с соблюдением религиозных праздников важнейшую роль в нарушениях играла новая экономическая реальность, то здесь очевидно значение отходничества как фактора, существенно ослаблявшего вертикальные связи и социальный контроль в деревне. В отношении причта и в отношении к священникам доминировали противоречивые тенденции. Несмотря на то, что священник продолжал восприниматься в качестве носителя религиозного исторического опыта, в некоторых областях и регионах появляются различные формы негативного отношения к духовным лицам, связанные в первую очередь с неподобающим поведением последних.

6. Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ 16-33-01019 «Государственная политика памяти в Российской Федерации: философские основания и стратегии реализации».

Литература

- Андреева, 2008 – Андреева Л.А. Феномен религиозного индифферентизма в Российской империи // *Общественные науки и современность*. 2008. № 4. С. 114-124.
- Аникин, 2014 – Аникин Д.А. Конструкция социальной памяти: от структуры к сети // Трансформация исторического сознания молодежи в обществе риска. Сборник статей международной научной конференции. Липецк-Тамбов: Изд-во Р.В. Першина. 2014. 400 с.
- Безгин, 2004 – Безгин Б.В. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М.-Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та. 2004. 304 с.
- Бондаренко, 1890 – Бондаренко В. Очерки Кирсановского уезда Тамбовской губернии // *Этнографическое обозрение*, 1890. № 3.
- Быт великорусских крестьян-землепашцев, 1993 – Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.И. Тенишева (на примере Владимирской губернии) / Авт.-сост.: Б.М. Фирсов, И.Г. Киселева. СПб., 1993. 470 с.
- Громыко, Буганов, 2000 – Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2000. 543 с.
- Репина, 2005 – Репина Л.П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого. М.: Издательский Дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 122-169.

- [Русские крестьяне, 2004](#) – Русские крестьяне. Жизнь Быт. Нравы. Материалы "Этнографического бюро" князя В.Н. Тенишева. Т. 1. Костромская и Тверская губернии. СПб., издательство «Деловая полиграфия», 2004. 568 с.
- [Русские крестьяне, 2006a](#) – Русские крестьяне. Жизнь Быт. Нравы. Материалы "Этнографического бюро" князя В.Н. Тенишева. Т. 2. Ярославская губерния, часть 1. СПб., ООО «Навигатор», 2006. 552 с.
- [Русские крестьяне, 2006b](#) – Русские крестьяне. Жизнь Быт. Нравы. Материалы "Этнографического бюро" князя В.Н. Тенишева. Т. 2. Ярославская губерния, часть 2. СПб., ООО «Навигатор», 2006. 552 с.
- [Русские крестьяне, 2005](#) – Русские крестьяне. Жизнь Быт. Нравы. Материалы "Этнографического бюро" князя В.Н. Тенишева. Т. 3. Калужская губерния. СПб., «Деловая полиграфия», 2005. 648 с.
- [Русские крестьяне, 2006c](#) – Русские крестьяне. Жизнь Быт. Нравы. Материалы "Этнографического бюро" князя В.Н. Тенишева. Т. 4. Нижегородская губерния. СПб., ООО «Навигатор», 2006. 412 с.
- [Русские крестьяне, 2007a](#) – Русские крестьяне. Жизнь Быт. Нравы. Материалы "Этнографического бюро" князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 1. Вельский и Вологодский уезды. СПб., ООО «Деловая полиграфия», 2007. 624 с.
- [Русские крестьяне, 2007b](#) – Русские крестьяне. Жизнь Быт. Нравы. Материалы "Этнографического бюро" князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 2. Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб., ООО «Деловая полиграфия», 2007. 840 с.
- [Русские крестьяне, 2007c](#) – Русские крестьяне. Жизнь Быт. Нравы. Материалы "Этнографического бюро" князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 3. Никольский и Сольвычегодский уезды. СПб., ООО «Деловая полиграфия», 2007. 884 с.
- [Русские крестьяне, 2008a](#) – Русские крестьяне. Жизнь Быт. Нравы. Материалы "Этнографического бюро" князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 4. Тотемский, Устьсольский и Яренский уезды. СПб., ООО «Деловая полиграфия», 2008. 808 с.
- [Русские крестьяне, 2008b](#) – Русские крестьяне. Жизнь Быт. Нравы. Материалы "Этнографического бюро" князя В.Н. Тенишева. Т. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. СПб., ООО "Навигатор", 2008. 600 с.
- [Русские крестьяне, 2010](#) – Русские крестьяне. Жизнь Быт. Нравы. Материалы "Этнографического бюро" князя В.Н. Тенишева. Т. 7. Новгородская губерния. Ч. 1. Белозерский, Боровичский, Демянский, Кирилловский и Новгородский уезды. СПб., ООО "Навигатор", 2010. 504 с.
- [Русские крестьяне, 2009](#) – Русские крестьяне. Жизнь Быт. Нравы. Материалы "Этнографического бюро" князя В.Н. Тенишева. Т. 7. Новгородская губерния. Ч. 2. Череповецкий уезд. СПб., ООО "Навигатор", 2009. 624 с.
- [Хальбвакс, 2007](#) – Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 348 с.
- [Hasberg, 2004](#) – Hasberg W. Erinnerungskultur – Geschichtskultur, Kulturelles Gedächtnis – Geschichtsbewußtsein. Zehn Aphorismen zu begrifflichen Problemfeldern // *Zeitschrift für Geschichtsdidaktik*. 2004. № 3. pp. 198-207.
- [Linchenko, Belyaev, 2016](#) – Linchenko A.A., Belyaev E.V. The transformation of everyday historical memory of the peasants of Central Black Earth region in the post-reform period // *Bylye Gody*. 2016. № 41(3). pp. 725-733.
- [Makhotina, 2017](#) – Makhotina E. Erinnerungen an den Krieg – Krieg der Erinnerungen. Litauen und der Zweite Weltkrieg. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2017. 478 p.
- [Nafziger, Williams, 2012](#) – Nafziger S., Williams C. Serfdom, Emancipation, and Off-Farm Labour Mobility in Tsarist Russia // *Economic History of Developing Regions*. 2012. Vol. 27. Nr 1. pp. 1-37.
- [Olick, Robbins, 1998](#) – Olick J.K., Robbins J. Social Memory Studies: From "Collective Memory" to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. pp. 105-140.

References

- [Andreeva, 2008](#) – Andreeva L. A. (2008). Fenomen religioznogo indifferentizma v Rossijskoj imperii [The phenomenon of religious indifference in the Russian Empire]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. № 4. pp. 114-124. [in Russian]
- [Anikin, 2014](#) – Anikin D.A. (2014). Konstrukcija social'noj pamjati: ot struktury k seti / Transformacija istoricheskogo soznanija molodezhi v obshhestve riska. Sbornik statej mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Lipeck-Tambov: Izd-vo Pershina R.V. 400 p. [in Russian]
- [Bezgin, 2004](#) – Bezgin B.V. (2004). Krest'janskaja povsednevnost' (tradicii konca XIX – nachala XX veka) [The everyday life of the peasants (traditions of the late twentieth and early twentieth centuries)]. M.-Tambov: Izd-vo Tamb. gos. teh. un-ta. 304 p. [in Russian]
- [Bondarenko, 1890](#) – Bondarenko V. (1890). Ocherki Kirsanovskogo uezda Tambovskoj gubernii [Kirsanov's district Essays of Tambov province], *Jetnograficheskoe obozrenie*. № 3. [in Russian]

[Byt velikorusskih krest'jan-zemlepushcev, 1993](#) – Byt velikorusskih krest'jan-zemlepushcev. Opisanie materialov jetnograficheskogo bjuro knjazja V.I. Tenisheva (na primere Vladimirskoj gubernii) (1993). [The life of the Great Russian peasant farmers. Description of the materials of the ethnographic bureau of Prince V.I. Tenisheva (on the example of the Vladimir province)] / Avtory-sostaviteli: Firsov B.M., Kiseleva I.G. Sankt-Peterburg, 470 p. [in Russian]

[Gromyko, Buganov, 2000](#) – *Gromyko M.M., Buganov A.V.* (2000). O vozzrenijah russkogo naroda [On the views of the Russian people]. M.: Palomnik. 543 p. [in Russian]

[Repina, 2005](#) – *Repina L.P.* (2005). Konceptii social'noj i kul'turnoj pamjati v sovremennoj istoriografii [Concepts of social and cultural memory in modern historiography]. Fenomen proshlogo. M.: Izdatel'skij Dom GU VShJe. pp. 122-169. [in Russian]

[Russkie krest'jane, 2004](#) – Russkie krest'jane. Zhizn' Byt. Nrazy. Materialy "Jetnograficheskogo bjuro" knjazja V.N. Tenisheva. T.1. Kostromskaja i Tverskaja gubernii (2004) [Russian peasants. Everyday life. Morals. Materials of the "Ethnographic Bureau" Prince V.N. Tenisheva. Vol. 1. Kostroma and Tver provinces]. Sankt-Peterburg, izdatel'stvo «Delovaja poligrafija». 568 p. [in Russian]

[Russkie krest'jane, 2006a](#) – Russkie krest'jane. Zhizn' Byt. Nrazy. Materialy "Jetnograficheskogo bjuro" knjazja V.N. Tenisheva. T.2. Jaroslavskaja gubernija, chast' 1. (2006) [Russian peasants. Everyday life. Morals. Materials of the "Ethnographic Bureau" Prince V.N. Tenisheva. Vol. 2. Jaroslavl province]. Sankt-Peterburg, OOO «Navigator». 552 p. [in Russian]

[Russkie krest'jane, 2007c](#) – Russkie krest'jane. Zhizn' Byt. Nrazy. Materialy "Jetnograficheskogo bjuro" knjazja V.N. Tenisheva. T.5. Vologodskaja gubernija. Ch. 3. Nikol'skij i Sol'vychevodskij uezdy (2007) [Russian peasants. Everyday life. Morals. Materials of the "Ethnographic Bureau" Prince V.N. Tenisheva. Vol. 5. The Vologda province. Part 3. Nikolsky and Solvychevodsky districts]. Sankt-Peterburg, OOO «Delovaja poligrafija». 884 p. [in Russian]

[Russkie krest'jane, 2008a](#) – Russkie krest'jane. Zhizn' Byt. Nrazy. Materialy "Jetnograficheskogo bjuro" knjazja V.N. Tenisheva. T.5. Vologodskaja gubernija. Ch. 4. Totemskij, Ust'sol'skij i Jarenskij uezdy (2008) [Russian peasants. Everyday life. Morals. Materials of the "Ethnographic Bureau" Prince V.N. Tenisheva. Vol. 5. The Vologda province. Part 4. Totemsky, UstSolsky and Yarensky districts]. Sankt-Peterburg, OOO «Delovaja poligrafija». 808 p. [in Russian]

[Russkie krest'jane, 2008b](#) – Russkie krest'jane. Zhizn' Byt. Nrazy. Materialy "Jetnograficheskogo bjuro" knjazja V.N. Tenisheva. T. 6. Kurskaja, Moskovskaja, Oloneckaja, Pskovskaja, Sankt-Peterburgskaja i Tul'skaja gubernii (2008) [Russian peasants. Everyday life. Morals. Materials of the "Ethnographic Bureau" Prince V.N. Tenisheva. Vol.6. Kursk, Moscow, Olonets, Pskov, St. Petersburg and Tula provinces]. Sankt-Peterburg, OOO "Navigator". 600 p. [in Russian]

[Russkie krest'jane, 2010](#) – Russkie krest'jane. Zhizn' Byt. Nrazy. Materialy "Jetnograficheskogo bjuro" knjazja V.N. Tenisheva. T. 7. Novgorodskaja gubernija. Ch. 1. Belozerskij, Borovichskij, Demjanskij, Kirillovskij i Novgorodskij uezdy (2010). [Russian peasants. Everyday life. Morals. Materials of the "Ethnographic Bureau" Prince VN. Tenisheva. Vol.7. Novgorod Province. Part 1. Belozersky, Borovichi, Demyansky, Kirillov and Novgorod districts]. Sankt-Peterburg, OOO "Navigator". 504 p. [in Russian]

[Russkie krest'jane, 2009](#) – Russkie krest'jane. Zhizn' Byt. Nrazy. Materialy "Jetnograficheskogo bjuro" knjazja V.N. Tenisheva. T. 7. Novgorodskaja gubernija. Ch. 2. Cherepoveckij uezd (2009). [Russian peasants. Everyday life. Morals. Materials of the "Ethnographic Bureau" Prince V.N. Tenisheva. Vol. 7. Novgorod Province. Part 2. Cherepovets county]. Sankt-Peterburg, OOO "Navigator". 624 p. [in Russian]

[Hal'bvaks, 2007](#) – *Hal'bvaks M.* (2007). Social'nye ramki pamjati [Social frameworks of memory]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 348 p. [in Russian]

[Hasberg, 2004](#) – *Hasberg W.* (2004). Erinnerungskultur – Geschichtskultur, Kulturelles Gedächtnis – Geschichtsbewußtsein. Zehn Aphorismen zu begrifflichen Problemenfeldern. *Zeitschrift für Geschichtsdidaktik*. № 3. pp. 198-207.

[Linchenko, Belyaev, 2016](#) – *Linchenko A.A., Belyaev E.V.* (2016). The transformation of everyday historical memory of the peasants of Central Black Earth region in the post-reform period. *Bylye Gody*. № 41 (3). pp. 725-733. [in Russian]

[Makhotina, 2017](#) – *Makhotina E.* (2017). Erinnerungen an den Krieg – Krieg der Erinnerungen. Litauen und der Zweite Weltkrieg. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 478 p.

[Nafziger, Williams, 2012](#) – *Nafziger S., Williams C.* (2012). Serfdom, Emancipation, and Off-Farm Labour Mobility in Tsarist Russia. *Economic History of Developing Regions*. Vol. 27. Nr 1. pp. 1-37.

[Olick, Robbins, 1998](#) – *Olick J.K., Robbins J.* (1998). Social Memory Studies: From "Collective Memory" to the Historical Sociology of Mnemonic Practices. *Annual Review of Sociology*. Vol. 24. pp. 105-140.

Sub specie aeternitatis? Трансформация религиозной исторической памяти крестьянства Центрально-черноземного региона в пореформенное время

Евгений Владимирович Беляев ^{a, *}, Андрей Александрович Линченко ^{b, c}

^a Липецкий эколого-гуманитарный институт, Российская Федерация

^b Финансовый университет при Правительстве РФ, Российская Федерация

^c Липецкий государственный технический университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются процессы трансформации повседневной религиозной памяти крестьян на примере 14 губерний Российской империи. На основе конструктивистской методологии изучения исторической памяти преодолевается распространенный подход, связывающий историческую память крестьянства исключительно с историческими знаниями о царях, полководцах, исторических деятелях. Трансформации повседневной религиозной памяти пореформенного крестьянства описываются в контексте представлений крестьян о церкви как социальном институте, а также отношения сельских жителей к обрядам, канонам, церковным праздникам, священнослужителям. В статье отражаются противоречивые процессы, происходившие в русской деревне в период модернизации 1860-х гг., когда существовавшие веками основы экономического, бытового, социального порядка подвергались серьезной трансформации. В этой связи, обращение к религиозным практикам как наиболее устойчивым к изменениям в сознании сельских жителей, позволяет выделить имеющиеся противоречия в части соотношения традиционного и изменяющегося. Известные, закрепившиеся в литературе штампы о всеобщей распространенности и глубине религиозного чувства, равно как и представления об имевшем место религиозном индифферентизме крестьян, не подтверждаются источниками. Наиболее близкими для сельских жителей остаются практики молитвы, соблюдения поста, иконопочитания. Вместе с тем поведение крестьян, особенно молодежи, в церкви, отношение к причту, несоблюдение ряда ранее незыблемых религиозных традиций, говорит, по меньшей мере, о серьезных изменениях религиозного сознания крестьян. Зачастую религиозные практики сводились к совершению традиционных действий, довольно поверхностно отражавших религию и православную веру.

Ключевые слова: крестьянство, религиозная память, «Великие реформы», повседневная историческая память.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gack1@yandex.ru (Е.В. Беляев), linchenko1@mail.ru (А.А. Линченко)